

Проективная методика «Рисунок семьи в образах цветов» в психологическом консультировании

Л. Д. Лебедева

Возможность использования проективного рисования в психологической и психотерапевтической работе издавна привлекает внимание практикующих психологов и психотерапевтов. Считается, что человек склонен видеть мир сквозь призму своих потребностей и желаний. По словам К.Г. Юнга, «...проекции превращают мир в копию нашего собственного неведомого нам лица индивида» [7].

Согласно механизму проекции, человек склонен свои субъективные представления приписывать изображенным объектам, наделяя их собственными чертами в соответствии с потребностями, установками, мотивами, структурой личного опыта. Проекция не осознается, а проникает в сознание как измененное восприятие внешнего мира. «Все содержания нашего бессознательного оказываются постоянно спроектированными на наше окружение, и только распознавая определенные свойства объектов как проекции или образы (*imagos*), мы оказываемся в состоянии отделить их от действительных объектных качеств», — писал К.Г. Юнг [7].

Субъективное содержание мыслей, чувств, переживаний, особенности своего внутреннего мира человек неосознанно переносит на художественные образы как внешние объекты.

Этот процесс, имеющий бессознательный характер, рассматривается как спонтанный, а не волевой акт.

Н. Роджерс отмечает, что многое в наше творчество привносится бессознательным: нашими переживаниями и интуицией. «Бессознательное — глубокий колодец, — пишет он, — у многих из нас поверх этого колодца лежит крышка». Вместе с тем, переживания могут быть конструктивно канализованы в креативные занятия искусством [3].

Именно потому, что результаты спонтанной изобразительной деятельности менее подвержены контролю сознания, в психодиагностике широко применяется проективное тестирование, построенное на создании экспериментальной ситуации, допускающей множественность возможных интерпретаций.

Известно, что понятие проекции для обозначения метода исследования ввел Л. Франк. В настоящее время сложились различные классификации проективных методов. Мы рассмотрим «рисуночные» тесты и методики, относящихся к типу экспрессивных методов, предполагающих изобразительную деятельность на заданную или свободную тему, что сближает их с методом анализа продуктов деятельности субъекта, а в терапевтическом контексте — с арт-терапией.

Лебедева Людмила Дмитриевна
доктор педагогических наук,
профессор, проректор по научной
работе Института позитивных
технологий и консалтинга (г. Москва).

Различные вариации «Рисунка семьи» («Моя семья», «Семья в образах животных», «Семья в образах сказочных героев») издавна применяются в психологической диагностике. Батарейю проективных тестов составили разработки известных специалистов, в числе которых: К. Аппель (Appel K., 1937); В. Вульф (Wolff W., 1946); В. Хьюлс (Hulse W., 1951); Р.К. Бернс (Burns R., 1972); С.К. Кауфман (Kaufman S., 1972); Дж. ДиЛео (DiLeo J., 1973); Л. Корман (Corman L., 1964); Г.Т. Хоментаскас (Chomentauskas G., 1983) и другие.

Отдельные аспекты семейной темы в проективном рисовании встречаются в методиках К. Махвер (1949); Ч. Ширна и К. Рассела (1997); А.И. Захарова (1982), А.А. Бодалева, В.В. Столина (1989).

Известные проективные тесты и методики разнятся диагностической направленностью и степенью детализации задания. Например, в инструкции Л. Кормана предлагается нарисовать представления о семье: «Нарисуй семью, как ты ее себе представляешь»; другие авторы конкретизируют: «Нарисуй свою семью» (В. Хьюлс); «Нарисуй рисунок, в котором каждый член семьи и ты что-нибудь делают» (Р. Бернс, С. Кауфман).

Усиление проективного акцента достигается благодаря применению группы методик, направленных на создание «ассоциативного образа» семьи. Например, испытуемому предлагается нарисовать свою семью в образах животных; сказочных или мифологических героев. Подобная инструкция активизирует воображение и ассоциативное мышление человека. Субъективное содержание образа воспроизводит глубинные, зачастую неосознанные переживания по отношению к каждому нарисованному (и отсутствующему на рисунке) члену семьи, а также демонстрирует представления автора рисунка о семейной ситуации. Важно, как он воспринимает и оценивает семейные взаимоотношения, какие личностные качества и мотивы приписывает близким людям, как характеризует их поведение.

Однако само задание изобразить людей или животных нередко вызывает сопротивление, аргументируемое утверждением «я не умею рисовать». В процессе пострисуночного опроса авторы рисунков отмечают, например: «Я бы хотел изобразить... львицу, а вышла кошка», или «Я изобразил толь-

ко тех животных, которых научился рисовать в школе, но это совсем не соответствует образам моих родственников». Очевидно, что диагностический потенциал таких рисунков минимален, особенно если испытуемый использует выработанные навыки рисования, стереотипные образы и привычные способы изображения (срисовывание, копирование и др.).

Вместе с тем, на основе собственного опыта замечу, что в рисунках участников арт-терапии часто присутствуют цветы, образы которых, как известно, глубоко символичны. В связи с этим у нас возникла идея провести научное исследование «рисунка семьи в образах цветов» в проективном и арт-терапевтическом контекстах.

В процессе экспресс-опроса респондентам сообщалось, что им предстоит нарисовать семью. Далее задавался вопрос: «В каких образах Вы хотели бы выполнить эту работу?»

Наиболее частотной характеристикой оказалось слово «цветок» (73% выборов). Это подтвердило гипотезу, что «цветок» действительно следует рассматривать как стимульное слово для образного изображения семьи. Известен опыт драматерапии и символдрамы, в которых используется прием идентификации человека с образом цветка в качестве метафоры образа «Я». Подтверждением универсальности языка цветов может служить и словесная метафора.

Н. Роджерс, говоря о процессе самоисследования с помощью цветка, пишет: «Он подобен раскрывающимся лепесткам лотоса, цветущего летним днем. В теплом, принимающем окружении лепестки открываются, чтобы явить внутреннюю сущность цветка. Как только мы осознаем наши переживания, они становятся источником дальнейшего самопонимания и творчества» [3].

Итак, цветок является универсальным символом, обладает глубокими разнообразными смысловыми потенциалами на разных уровнях психосемантического пространства. Множественность значений символа цветка объясняется в науке стремлением к иерархии — упорядочиванию различных планов реальности: материального, социального и духовного.

Доказано также, что раскрытие символических значений содействует восстановлению психического равновесия и гармонизации эмоционально-чувственной сферы личности.

Являются ли образы цветов предикторами осознания клиентом собственной семейной ситуации?

Традиционно в психодиагностике оцениваются формальные элементы художественного материала (размер фигуры, ее расположение на листе бумаги, степень завершенности рисунка, цветовой выбор, особенности рисования — стирание, перерисовывание и др.).

В арт-терапии, напротив, первоочередная значимость формального анализа рисунка отрицается. Вместе с тем, доказано, что проективные рисунки не только предоставляют разнообразные возможности для исследования индивидуальности личности, но способствуют адекватному и безопасному выражению человеком негативных, подавляемых, социально неприемлемых чувств (Т. Зинкевич-Евстигнеева, Д. Кудзилов и другие).

Как показывают наблюдения, процесс рисования семьи в образах цветов с последующей вербализацией опыта тоже может приводить к спонтанному отреагированию ранее неосознаваемых, вытесненных или не принимавшихся чувств, а значит, способствует психотерапевтическому эффекту, достижение которого в диагностической работе обычно не планируется как самостоятельная задача.

Известно, что в проективных методиках инструкция к рисованию представляет собой некий посыл бессознательному клиенту, актуализирует определенные пласты его внутренней жизни. Например, инструкция «Нарисуйте свою семью» часто актуализирует «внешний» социальный образ конкретной семьи, портрет семьи «художника», приближенный к реальности. По сравнению с этим содержание «посыла бессознательному» в методике «Рисунок семьи в образах цветов» имеет метафорический смысл и актуализирует представления автора об эмоционально-чувственных внутрисемейных отношениях.

Согласно «концепции терапевтического расщепления Я» Рихарда Штерба, субъект обладает способностью, позволяющей ему одновременно проводить самонаблюдение и предаваться свободным ассоциациям на материал, пробивающийся из сферы бессознательного (R. Sterba, «Судьба Я в терапевтическом процессе», 1929, 1934) [2].

Разрабатывая проективную методику «Рисунок семьи в образах цветов», мы руководствовались идеей Л. Корма-

на (Corman L., 1964) предлагать как можно менее структурированную ситуацию. Это соответствует общему принципу проекции, расширяет границы спонтанного реагирования и открывает дополнительные диагностические возможности.

В процессе апробации было выявлено, что такая работа с легкостью принимается и выполняется испытуемыми любого возраста начиная с 7 лет. (Дети меньшего возраста в исследовании не участвовали.)

Не было случаев, чтобы взрослый клиент отказывался выполнять эту работу потому, что он не умеет рисовать или не имеет собственной семьи. Поскольку инструкция не содержит конкретных разъяснений, каждый испытуемый находит подходящие для себя образы. Для кого-то это образы родительской семьи, в которой вырос или сейчас живет автор рисунка; идеальной семьи, которую он хотел бы иметь и др. Встречаются также работы, где изображено поле цветов как состояние жизни в социуме, заменяющем человеку собственную семью.

Взрослые, имеющие неполные семьи, изображают примерно с равной степенью частоты образы прошлого или будущего. Реже — реальные семьи, в которых, тем не менее, символически присутствуют недостающие члены семьи. Видимо, это вызвано спецификой стимульного слова. Цветок как первообраз, архетипический символ, художественный концепт является превосходным объектом, на который лучше всего проецируются внутренние психологические конфликты, бессознательный подавленный или вытесненный психологический опыт.

В современной лингвистике слово «цветок» считается концептом, так как представляет собой значимую единицу словаря, обладает богатым лексическим фоном и ценностным для русской лингвокультурной общности содержанием (О.А. Михайлова, А.И. Молоткова и др.). Такие значимые прототипические признаки концепта «цветок», как красота и хрупкость, часто актуализируются в творческих работах.

*«Утром расцвела гвоздика
И увянула в обед...»*

*Речь цветочных аллегорий
Подразумевает горе».*

(из пьесы П. Кальдерона «Стойкий принц» в переводе Б. Пастернака)

Символы цветов, отражая проявления индивидуального и коллективно-бессознательного, отличаются мно-

гозначностью и полисемией. Помимо того что у каждого человека цветы вызывают собственные ассоциации, известны сложившиеся системы значений различных видов цветов. Толкования связи цветов и человеческих взаимоотношений настолько распространены, что даже возникли выражения «разговор цветов», «язык цветов». В древности для выражения чувств в турецких гаремах использовался специальный язык цветов — «салам», который в Европе активно популяризировался шведским королем Карлом XII (1682–1718). В России язык цветов стал модным в начале XIX века. Известный поэт, переводчик, фольклорист Дмитрий Петрович Ознобишин перевел с персидского книгу «Салам, или Язык цветов» (СПб, 1830), в которой упоминалось более 400 растений и каждому соответствовала какая-либо фраза. В те времена считалось благопристойным говорить о своих чувствах, делать предложение «руки и сердца» на языке цветов.

В современной литературе упоминается игра «Флирт цветов», популярная в светских салонах XIX века Европы и России. Образы и значения цветов помогали выстроить коммуникацию, завязать новые знакомства, деликатным способом через опосредованные сообщения на языке цветов выразить разнообразие чувств и притязаний. Каждый из участников вытаскивал картинку с изображением какого-либо цветка и на весь вечер получал игровое имя по названию цветка и соответствующую роль, далее определялись партнеры по флирту на основании случайного выбора по совпадению выбранных карточек. В процессе игры партнеры передавали друг другу картинку с подходящими высказываниями на языке цветов. Например, один участник сообщал: «Бегония (предлагаю сердечную дружбу)», другой мог ответить: «Гиацинт (Вы играете со мной?)» или «Водяная лилия (чувства в моей душе бушуют)»[5].

Некоторые цветочные ритуалы сохранились и в наши дни. Возможно, поэтому метафора семьи в образах цветов воспринимается и взрослыми, и детьми как аутентичная.

В научной картине мира понятие «цветок» характеризуется признаками: «принадлежность к семейству, виду», «является органом размножения», «имеет соцветие», «имеет цикл развития», что ассоциативно связано с семьей и продолжением рода.

На Руси считалось, что в цветах спрятаны души детей, которые выйдут оттуда, когда рождается младенец. Славянский фольклор насыщен изображениями цветов: раскрытый цветок руты, колокольчик или другой цветок символически помогал семейной паре избавиться от бесплодия. Барвинок на языке цветов означает влюбленность и брачные узы, а бархатцы — семейную верность. Калина у славянских народов считалась свадебным деревом. Из белых цветов калины плели свадебные венки. В венках молодой жены, мечтающей о ребенке, обязательно присутствовали колосья как древний символ рождения. Много легенд о семейном родстве, супружестве было сложено славянами про красивый полевой цветок иван-да-марья.

В культурных традициях славянских народов нежный и трепетный цветок мака является аллегорией незабвенной памяти рода, многие другие полевые растения символизируют уважение к семье. У восточных народов нарциссы, как и орхидеи, обозначают супружеские отношения. Южане почитают виноград, цветы и плоды которого символизируют радость и красоту образования семьи.

В целом позитивные изображения бутонов и раскрывшихся цветков на рисунках людей различных национальностей и культур расцениваются как символ «здоровой сексуальности». Красота земного цветка порождает образную параллель «цветок — семья» как благо, ценность.

Итак, цветы в рисунках и других продуктах творчества несут особую символическую и эмоциональную нагрузку.

Необходимо подчеркнуть, что рисунок семьи в образах цветов отражает не столько индивидуальные психологические характеристики автора работы, сколько его эмоциональное самочувствие, представления о своем месте и роли в семье, самовосприятие семейной ситуации и взаимоотношений между членами семьи. По сути, изображенный объект и сам процесс художественной деятельности отражают базисную потребность человека в невербальной передаче своего психического опыта. Рисунок семьи в образах цветов нацелен на создание ситуации, облегчающей возможность рассказать о семье на языке метафоры, используя символизм «мужских» и «женских» растений. К первым из них относят цветы, имеющие удлинённые,

заостренные листья или длинный, выступающий пестик (ирис, нарцисс и др.). Мифологической символикой наполнены такие «мужские» цветы, как адонис, гиацинт. Наиболее яркие представители «женской» семантической группы — азалия, астра, мальва, хризантема.

В архаичных символических системах совершенство приписывается лотосу. Его листья, цветы и плоды образуют круг. К тому же, каждое растение имеет бутоны, цветы и семена одновременно, что ассоциируется с единством времени прошлого, настоящего, будущего. Именно лотос формирует чашу, символизирующую воспринимающий женский образ. Корень лотоса олицетворяет нерастворимость, стебель — пуповину, привязывающую человека к своим истокам, цветок имеет форму солнечных лучей, коробочка с семенами символизирует плодородную силу творения. Интересно, что коробочки, наполненные семенами, обозначаются в китайском языке тем же самым иероглифом, что и слово «ребенок». Таким образом, в бутоне лотоса сокрыты все потенциальные возможности: союз дуалистических сил огня и воды, Солнца и Луны, мужчины и женщины.

Амбивалентность мужского и женского начала иногда приписывается розе, пиону (пиону). Так, в Европе пион и роза — женские образы, на Востоке — мужские. Пион в Японии даже называют «мужем» или «царем» среди цветов («Мифы народов мира» под ред. С.А. Токарева). Роза обладает психологическим и космологическим символизмом: например, по К.Г. Юнгу, она символизирует целостность личности, баланс между сознанием и подсознанием [7].

Трактовки образов цветов могут варьироваться в разнообразных религиозных, философских, культурологических и пространственно-временных системах, но, тем не менее, всегда воспринимаются позитивно и отражают уважение людей к истории и ценностям разных культурных традиций.

В силу амбивалентности и многозначности образы цветов легко проецируются и на мужские, и на женские фигуры, без сопротивления используются в рисунке семьи.

Кроме того, образ цветка, являясь архитипическим, соотносится с главными человеческими экзистенциями: рождением, жизнью, смертью.

В процессе апробации мы заметили, что до 20% рисунков метафоричес-

ки или символически связаны с темой умирания и смерти в отличие от рисунков семьи, выполненных в рамках других проективных рисуночных тестов (методик). Можно предположить, что такой признак цветка, как «увядание», облегчает изображение физического неблагополучия и возраста, а «недолговечность» спонтанно «провоцирует» на включение в рисунок ушедших из жизни членов семьи и изображение тяжело больных людей.

При этом изобразительный процесс становится символической экстернизацией переноса (Д. Мэрфи и многие другие). А арт-терапевтический процесс согласуется с проективным самовыражением посредством художественного материала, проявлением наиболее ярких, аффективно окрашенных переживаний как по отношению к внутрисемейной ситуации, так и применительно к самовосприятию себя и своей роли в семье.

Все сказанное выше иллюстрирует терапевтический ресурс проективно-го рисунка семьи в образах цветов.

Итак, если поместить практическое задание «Нарисуй семью в образах цветов» в терапевтический контекст, подобную работу можно рассматривать как тематическую арт-терапию. Открытия, которые совершит автор рисунка вместе со специалистом по арт-терапии, помогут построить гипотезу для следующего шага в терапевтическом процессе.

Несомненно, данная работа обладает диагностическим потенциалом и может применяться в контексте арт-терапии как мягкий, гуманный способ психодиагностики, а также как проективная методика, если основной задачей исследователя является сбор психосоциальной информации об испытуемом.

Инструкция к рисованию семьи в образах цветов, являясь своеобразным посланием к бессознательному, актуализирует определенные аспекты внутренней жизни человека. При этом изобразительный продукт становится материалом для самоанализа, самовосприятия себя в семейной ситуации. Человек отражает на бумаге собственное видение жизненных коллизий сообразно своей индивидуальности, ассоциативным связям, прошлому опыту, установкам, убеждениям. Осознание и изменение отношения к актуальным и прошедшим событиям, принятие ответственности за собственную жизнь побуждает к поиску «ресурсного обра-

за» — своеобразного маркера прогресса в терапевтической работе.

В. Франкл подчеркивал, что он не дает своим пациентам готовых решений, а пытается инициировать процесс нахождения каждым из них своего смысла, отвечая на требование своей бессознательной духовности [4].

Наиболее значимо, что клиент, не интерпретируя, получает возможность «материализовать» с помощью живописи некоторое патологическое явление, от чего, по опыту Дж. Шаверьен, наступает облегчение текущего состояния [7].

Подобный результат наблюдается и в процессе выполнения обсуждаемой в данной статье проективной методики. Создавая рисунки семьи в образах цветов, авторы невольно отражают («материализуют») реальные переживания, связанные с семейной ситуацией. Дальнейшее рассматривание художественного продукта побуждает к рефлексии и самопознанию. Судя по комментариям, авторы задаются вопросами, что побудило их нарисовать такую семью (реальную, родительскую или представления (фантазии) об идеальной семье)? Почему именно тот или иной цветок спонтанно выбран для изображения самого себя и совсем иной — для кого-то из родственников? Как расположены цветы относительно друг друга? Почему на одних рисунках они живут в почве, а на других — срезаны и собраны в букет живых растений или сухоцветов? В тех случаях, когда цветы помещены в цветочный горшок или растут с одного стебля, важно прояснить, что для автора рисунка означает слишком близкое их расположение.

Рисунки с отдаленно расположенными цветками, отсутствие изображения кого-то из членов семьи могут указывать на слабые эмоциональные связи, затруднения и напряженность во взаимоотношениях. Возможно, это попытка соединить в рисунке разобщенных в реальной жизни людей с помощью внешних обстоятельств, вернуть семью к «общим корням»?

Поиск ответов на этот и подобные вопросы — способ опосредованной рефлексии семейной ситуации через символику цветка, что в итоге содействует изменению отношения к осознанной проблеме, а значит, и улучшению психоэмоционального состояния клиента. Тем самым в процессе проективного рисования семьи в образах цветов достигается терапевтический

эффект. Данная методика обладает ресурсным потенциалом, направленным на духовную экзистенцию человека.

Проведенное исследование с последующей апробацией авторской методики в образовательных и клиентских группах взрослых (в возрасте от 20 до 65 лет) в ряде городов России, Латвии, Литвы, Молдовы дает основные для следующих выводов:

- образ цветка является аутентичным для символического изображения семьи;
- инструкция не вызывает сопротивления, задание вызывает интерес как у женщин, так и у мужчин;
- художественный продукт и содержание вербальной обратной связи представляет богатый материал, как для диагностики, так и для построения гипотезы в арт-терапевтическом процессе;
- образы цветов на рисунке, их расположение, среда обитания действительно отражают реальную семейную ситуацию и помогают автору рисунка ее осознать.

Проявилась слабая корреляция с данными, полученными от применения других экспрессивных тестов. Установлено, что изображение семьи с помощью человеческих фигур в большей степени контролируется сознанием, нежели рисунок семьи в образах цветов, что усиливает действие защитных механизмов и, соответственно, снижает достоверность результатов.

«Рисунок семьи в образах цветов» соотносится с ресурсным типом рисунков, актуализирующих поиск позитивного разрешения семейной ситуации, в то время как «Рисунок семьи в образах животных» расценивается специалистами как конфликтный.

Кроме того, гуманистический потенциал данной авторской методики состоит еще и в том, что всем людям, в том числе и людям с особыми потребностями, инвалидам, безусловно, легче использовать метафорическое изображение своего облика, используя эстетически привлекательный образ цветка.

Заключение

С позиций диагностического потенциала «Рисунок семьи в образах цветов» логично отнести к классу экспрессивных проективных методик, построенных на рисовании по свободной или заданной теме. Поскольку эти методики обеспечивают качественный

подход к исследованию личности, но обладают высокой степенью субъективности, актуальной остается проблема стандартизации, разработка адекватных методов проверки их надежности и определения валидности.

К настоящему времени известны результаты применения факторного анализа, с помощью которого были выделены два измерения проекций ребенка, отражающих его чувства относительно семьи и способ «переработки» чувства отверженности [6].

Построены наборы оценочных, силовых и динамических свойств, являющихся инвариантами возрастных, профессиональных и других типологических групп, которые люди достаточно устойчиво и дифференцированно приписывают графическим формам [1].

В работах Л.Ф. Бурлачука и С.М. Морозова (1989) успешно использован семантический дифференциал для оценки отношения автора рисунка к изображаемому человеку в проективной методике «Нарисуй человека» (http://ido.rudn.ru/psychology/pedagogical_psychology/annot/annot_dop2_a.html).

Вместе с тем, нельзя не согласиться с В. Вульфом и другими авторами, утверждающими, что «при интерпретации различий в нарисованных фигурах необходимо главным образом опираться на то, как сам исследуемый их осмысливает. Если это невозможно — интерпретация становится чисто субъективной». Согласно гипотезе В. Вульфа, различия в изображении порождаются особыми переживаниями, специфическими для каждого клиента.

Следовательно, в постижении смысла рисунка важно исходить из интерпретаций самого клиента. «...В работе с проективным рисунком речь идет не об изложении какого-то “правильного” значения изображения. Рисунок только способствует проявлению вынужденного, сугубо личного, индивидуального, неповторимого психологического содержания, выраженного автором» [1].

Система корректных вопросов специалиста поможет клиенту выделить и осознать психологическую реальность, актуализирующую его отношение к изображенному объекту или ситуации. Тем самым художественный продукт, его содержание и символика становятся материалом для самоанализа, адекватного восприятия семейной ситуации, самооценки.

Сказанное сближает проективное рисование с парадигмой арт-терапии, в которой диагностический аспект поиска проблем нивелируется терапевтическим аспектом творческого процесса, направленного на поиск ресурсов.

Именно арт-терапия актуализирует неспецифические саногенные ресурсы организма, психики и личности клиента (Шувалов А.В., 2009).

Идея саногенного (позитивного, оптимистического, оздоравливающего) самоотношения просматривается в трудах Ф. Ницше. Для него здоровье означало не свободу от болезни, а способность человека с ней справиться. Именно эта способность актуализируется в процессе изобразительного творчества.

Центральный замысел состоит в том, чтобы создать психологически безопасные условия, помогающие каждому участнику арт-терапии найти свой способ самовыражения и актуализировать ресурсные состояния, а не центрироваться на поиске проблем. По словам Н. Роджерс, «если вы ответите: “Я узнал о себе нечто новое”, — значит, вы начали свой путь к формирующейся целостности. Это новое и есть очередная присоединенная к целому часть индивидуума» [3].

Список литературы:

1. Артемьева Е.Ю., Ковалев Г.А., Семилет Н.В. Изображение как инструмент измерения межличностных отношений. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/886/886120.htm#a14>
2. Гринсон Р.Р. Техника и практика психоанализа. — М.: Когито-Центр, 2003. — 478 с.
3. Роджерс Н. Путь к целостности: человеко-центрированная терапия на основе экспрессивных искусств // Вопросы психологии. — 1995. — №1. — С. 132–139.
4. Франкл В. Воля к смыслу. — М.: Апрель-Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2000. — 368 с.
5. Флирт цветов: Музеи России. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.museum.ru/alb/image.asp?14494>.
6. Хоментаскаускас Г.Т. Отражение межличностных отношений в диагностическом рисунке семьи: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. — М., 1985.
7. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/jung_ob
8. Schaverien J. Desire and the female therapist: engendered gazes in psychotherapy and art therapy. — London: Routledge, 1995. — 264 p.
9. Wolff W. The personality of the preschool child: the child's search for his self. — New York: Grune and Stratton, 1946. — 341 p.